

A young boy with brown hair, wearing a red sweater and blue jeans, sits on a wooden box. He is positioned next to a large, ornate, antique-style clock with Roman numerals. The clock is made of dark wood or metal with intricate carvings. The boy is looking out of a large window at a city skyline during sunset or sunrise. The sky is filled with soft, golden light and scattered clouds. The city skyline in the background features several tall buildings, including a prominent one with a pointed top. The overall mood is contemplative and serene.

Точка на карте

Елена К.

Елена К.

Точка на карте

«Автор»

2026

К. Е.

Точка на карте / Е. К. — «Автор», 2026

«Точка на карте» — мистический триллер о силе, что дремлет под землёй. Тридцать тысяч лет Ала спал в глубине степи, пока картографы, учёные и искатели не разбудили древний ритм. Тиканье в стенах, пятна на коже, линии на бумаге — всё вело к яме, где стиралась грань между сном и явью, наукой и верой, жертвой и спасением. Кирилл, Роман, Марина, Глеб и другие становятся свидетелями пробуждения: одни хотят понять, другие — поклоняться, третьи — забыть. И когда он уходит под воды Волги, мир не становится спокойнее: его наследие остаётся в тех, кто слышал тиканье. Маленький Роман, сжимающий в руке старые часы, уже чувствует далёкий ритм — и однажды станет новым картографом, рисующим линии между мирами. Эта история о том, как древние силы находят отклик в обычных людях, а карта мира — это не только координаты, но и судьбы, сплетённые невидимыми линиями. Для поклонников атмосферных триллеров, мистики и философской прозы.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Пропавший ориентир	6
Глава 2. Ошибка или аномалия?	12
Глава 3. Цена изменений	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена К. Точка на карте

Глава

Глава 1. Пропавший ориентир

I

Понедельник начинался так же, как заканчивалось воскресенье: с дождя.

Роман Костин стоял у окна кухни на четвёртом этаже панельной девятиэтажки и смотрел, как капли ползут по стеклу, собираются в ручейки и падают на подоконник, где лежала раскрытая, но так и не прочитанная книга. Третья неделя подряд он брал её вечером, читал страницу — и засыпал. Не потому что книга скучная. Потому что глаза закрывались раньше, чем мозг успевал договорить с телом.

Рабочий день начинался в восемь. Было без четверти семь.

Он налил кофе, поставил тост в тостер, открыл ноутбук на столе. На экране — последняя версия проекта транспортного узла: схема нового микрорайона, координаты, реперные точки. Спальник справа от него храпел. Роман и не помнил, когда в последний раз спал больше шести часов.

Транспортный узел — это три развязки, кольцевая дорога, автобусный парк и две новые улицы, которые должны были разрезать старый частный сектор пополам. Проект обсуждался семь лет, согласовывался четыре, а строить начали в прошлом марте. Романа подключили полгода назад, когда предыдущий картограф уволился — не выдержал нагрузки. «Тут не картография, а война», — сказал он на прощание, и Роман тогда подумал, что это метафора. Сейчас он понимал, что это было предупреждение.

Он кликнул на слой с топосъёмкой. На экране легли контуры: ровные линии рельефа, отметки высот, пикеты. Всё знакомое, рутина. Но сегодня он открыл не свежий слой, а архивный — тот, что делал ещё дед Иван в 1987 году. Это было не по регламенту. Елена Викторовна просила сверить «старую базу» с новыми замерами, потому что при бурении под опоры моста геологи наткнулись на несоответствие: по новым данным грунт был плотный, суглинок, а по отчёту из восьмидесятых — заболоченный участок с подземным ручьём.

Роман наложил два слоя друг на друга.

И замер.

На старой карте, ручной, вычерченной тушью на ватмане, в северо-восточной части будущего микрорайона был овраг. Глубокий, с перепадом высот почти четыре метра, с ручьём на дне. Овраг шёл с севера на юг, разрезая участок почти пополам. Рядом — заболоченная низина, отмеченная характерной штриховкой.

На новой карте оврага не было. Низины не было. Ручья не было. Рельеф — ровный, как стол. Перепад высот — ноль целых две десятых метра на сто метров. Суглинок.

Роман отхлебнул кофе. Кофе был холодный.

Он увеличил старую карту до предела. Линии оврага были нанесены аккуратно, с характерным дедовским почерком — твёрдый, уверенный штрих, без дрожи. Рядом с оврагом стояла отметка: «Овраг засыпан? Проверить. И.К., 12.05.87». И.К. — Иван Костин, его дед. Буквы чуть бледнее, будто дописаны позже.

Роман перевернул скан. На обороте ватмана — карандашные заметки, полустёртые:

«...снял повторно 15.05. Овраг на месте. Низина мокрая. Ручей течёт. В журнале запись не совпадает с...»

Дальше — пятно, будто бумагу залили и потом вытерли.

Роман посмотрел на часы. Семь двенадцать. Он закрыл ноутбук, допил холодный кофе, сунул тост в рот и вышел.

II

На улице моросило. Октябрь в этом году пришёл рано: уже неделю стояла сырость, температура не поднималась выше десяти, а деревья на бульваре пожелтели за два дня, будто кто-

то щёлкнул выключателем. Роман шёл к автобусной остановке, накинув капюшон ветровки, и думал об овраге.

Овраг — не самое драматическое, что может исчезнуть. Это тебе не дом, не школа, не человек. Овраг — это впадина в земле, и если его засыпать, он перестанет существовать. Строители засыпают овраги постоянно, это нормальная практика: снял грунт, подсыпал, уплотнил, положил георешётку. Но чтобы овраг засыпался сам — чтобы рельеф выровнялся без единого ковша — такого не бывает. Геология так не работает.

Может, дед ошибся? В 1987 году съёмка была ручная, теодолит, рейка, палетка. Погрешность — полметра по высоте. Но не четыре же.

Может, овраг засыпали позже, в девяностые, когда застраивали соседний квартал? Роман пытался вспомнить. Он вырос в этом городе. Ходил в школу через поле, где потом построили торговый центр. Помнил овраг? Нет. Не помнил. Но он и не искал его в воспоминаниях. Он был ребёнком и думал о другом.

На остановке стояли четверо: женщина с ребёнком, мужчина в строительной каске и двое подростков в наушниках. Роман достал телефон, открыл спутниковый снимок района. Снимок — свежий, августовский. Северо-восточный участок микрорайона — ровное поле, заросшее бурьяном. Ни оврага, ни низины, ни намёка на водоток. Обычное поле.

Подожёл автобус. Роман сел у окна и открыл рабочий блокнот. Записал:

«Овраг — 1987, точные координаты. Нет — 2024, спутник и полевые замеры. Расхождение: 4,2 м по высоте. Версии: 1) засыпан в 90-х (найти акт?), 2) ошибка съёмки (маловероятно), 3) ???»

Три вопросительных знака. Он посмотрел на них и усмехнулся. Три вопросительных знака — это уже не рабочая запись. Это мысли вслух.

III

Кабинет картографии располагался на втором этаже административного здания, в конце коридора, за стеклянной дверью с табличкой «Отдел кадастра и топографии. Костин Р.А.». Маленький кабинет: два стола, два монитора, плоттер в углу, три стеллажа с папками и рулонами ватмана, на подоконнике — фикус, который никто не поливал, но он всё равно жил.

Роман повесил куртку на спинку стула, включил оба монитора и распечатал скан дедовской карты. Бумага вышла из плоттера с шорохом, и он приколот её к пробковой доске на стене рядом с текущим проектом. Две карты рядом — старая и новая — выглядели как два разных участка. Совпадали дороги, контуры кварталов, реперные точки. Но рельеф — не совпадал.

Он открыл кадастровую базу, вбил координаты оврага. Участок значился как «земли населённых пунктов, категория — под застройку». Грунтовые воды — на глубине 6,8 метра. Тип грунта — суглинок тугопластичный. Никакого заболачивания. Никакого ручья.

Роман открыл геологический отчёт за 2023 год — тот самый, по которому закладывали сваи под опоры моста. Бурение в шести точках. Все шесть — суглинок, влажность 12–14%, плотность 1,9 г/см³. По всем параметрам — сухой, плотный, надёжный грунт.

Он открыл геологический отчёт за 1987 год — тот, что делали при первой разведке под жилую застройку. Скважины в тех же точках. Торф, влажность 38–42%, плотность 1,1 г/см³. Заболоченный участок, подземный водоток, торфяная подушка на глубине 3–5 метров.

Разница не в погрешности. Разница — в другом мире.

Роман откинулся на спинку стула и посмотрел на карту. Дедовская карта висела на стене, и линии оврага были видны чётко, будто кто-то нарисовал их вчера. Тушь не выцвела за тридцать семь лет. Он вспомнил, как дед чертил: не снимая руки, одним движением, будто не рисовал, а писал. «Карта — это не картинка, — говорил дед. — Это обещание земле. Что ты её видел такой, какая она есть».

Телефон завибрировал. Сообщение от Елены Викторовны: «Костин, в 10:00 совещание по транспортному узлу. Принеси сверку по рельефу. Если есть расхождения — с объяснением. Без объяснений не приходи».

Без объяснений не приходи. Роман перечитал. Восемь слов — и все с угрозой.

Он набрал номер деда. Гудки шли долго. Четвёртый, пятый, шестой. Потом щелчок — и голос:

— Рома?

— Деда, привет. Это я. У меня вопрос по старой съёмке. Восьмидесятый седьмой год, микрорайон четыре, северо-восток. Ты там овраг снимал?

Пауза. Дед Иван не задал уточняющих вопросов. Не переспросил. Просто помолчал — и это молчание было не пустое, а полное, как пауза в музыке, когда ты знаешь, что после неё будет другой мотив.

— Снимал.

— Деда, на новых данных оврага нет. Рельеф ровный. Я сверил — расхождение четыре метра. Геология тоже не совпадает: сейчас суглинок, тогда был торф. Ты уверен в съёмке?

— Уверен.

— Может, его засыпали потом? В девяностых?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я проверял. В девяносто третьем, в девяносто восьмом, в две тысячи четвёртом. Овраг был на месте. Ручей текал. Низина была мокрая.

Роман почувствовал, как вдоль позвоночника прошёл холодок — не от сквозняка, а от того, как дед это сказал. Без удивления. Без вопросов «как это нет». Он сказал «овраг был на месте» так, будто проверил это вчера.

— Деда, а последняя проверка?

— Две тысячи четвёртый. Октябрь.

— И всё было на месте?

— Всё. Овраг, ручей, низина. Я тогда ещё записал в полевом журнале: «изменений нет». Ты журнал найди, он в синей обложке, в шкафу у меня.

— Деда, это двадцать лет назад. Может, за двадцать лет...

— Овраги не исчезают за двадцать лет, Рома. Они живут дольше, чем дома. Дольше, чем люди, которые их рисуют.

Роман закрыл глаза. Он слышал в трубке дыхание деда — ровное, спокойное. И ещё — какой-то звук на фоне. Будто тиканье. Часы? Дед не держал часов дома. Или держал?

— Деда, у тебя там что тикает?

Пауза. Длиннее предыдущей.

— Ничего. Рома, ты карту нашёл?

— Да. На обороте карандашные заметки. «Овраг засыпан? Проверить». Это ты написал?

— Я. И проверил. Не засыпан.

— А кто решил, что засыпан? Почему вообще такой вопрос возник?

Дед помолчал. Потом сказал — тихо, но внятно:

— Потому что кто-то уже начал его стирать. Не с земли — с бумаги. И я не успел остановить.

Связь оборвалась. Не загудки, не «абонент недоступен» — просто тишина, а потом длинный гудок, будто кто-то положил трубку с другой стороны. Роман посмотрел на телефон. Индикатор вызова горел. Соединение было активным. Но дед молчал.

— Деда?

Тишина.

— Деда, ты здесь?

Гудок.

Роман положил трубку. Руки были холодные. Он посмотрел на карту на стене — и ему показалось, что линии оврага стали чуть бледнее. Он подошёл ближе. Нет, тушь та же. Просто свет из окна изменился, облачность сдвинулась.

Он вернулся за стол и открыл полевой журнал деда. Нашёл его в скане архива — синяя обложка, таблица, колонки: дата, точка, высота, примечания. Последняя запись — 14 октября 2004 года: «Овраг. Глубина 4,1 м. Ручей, расход воды 0,3 л/с. Низина, заболоченность умеренная. Изменений нет». Подпись: «И. Костин».

14 октября 2004 года. Овраг был. Сегодня — 5 октября 2026 года. Двадцать два года. Меньше, чем спланированная жизнь здания.

Роман открыл спутниковый снимок 2006 года. Нашёл участок. Овраг виден? Он увеличил. Вот он — тёмная линия, растительность по дну, изгиб с севера на юг. На спутниковом снимке 2006 года овраг был. На снимке 2012 — тоже. На снимке 2017 — уже нет. Ровное поле. Как будто кто-то провёл ластиком по земле между 2012 и 2017 годами.

Роман записал в блокнот:

«Овраг исчезает с космоса между 2012 и 2017. С## — тоже. Кто стёр?»

Он остановился. «С##». Он написал по-китайски? Нет. Он написал «с земли» — но рука вывела что-то странное. Он перечитал. «С земли». Нормально. Просто показалось.

IV

Десять утра. Конференц-зал на третьем этаже. Стол на восемь мест, занято пять. Елена Викторовна — во главе, в сером жакете, с ручкой в руке, как с оружием. Справа — Прохоров, инженер-геотехник, толстый, усталый, с кольцом поцелуев от термocupки на щеке. Слева — Лозовой из стройуправления, молодой, амбициозный, в пиджаке, который ему велик. Рядом с Романом — Молчанова из экологии, тихая женщина с папкой, которая ничего не говорила, но записывала всё.

Елена Викторовна открыла совещание без вступлений:

— Рельеф. Костин, что у вас.

Роман положил на стол распечатки — старую и новую карту, рядом.

— Расхождение по северо-восточному участку. На съёмке восемьдесят седьмого года — овраг, глубина четыре метра, ручей, заболоченная низина. На текущих данных — ровный рельеф, суглинок, сухой грунт. Расхождение по высоте — четыре и два метра в одной точке. Геология не совпадает: тогда был торф, сейчас суглинок.

Тишина. Прохоров посмотрел на карты и почесал щёку.

— Я бурение делал в двадцать третьем, — сказал он. — Шесть скважин. Суглинок. Сухо. Никакого торфа.

— А в восемьдесят седьмом было шесть скважин с торфом, — сказал Роман. — В тех же точках.

Прохоров пожал плечами:

— Ну, двадцать лет. Могли подсыпать. Застройщики любят подсыпать, не оформляя.

— Подсыпка — это инженерные изыскания, акты, георешётка. Я проверил: актов нет. Ни одного.

— Может, в девяностых черным образом? — вставил Лозовой. — Тогда полгорода подсыпали без бумаг.

— Подсыпка меняет отметку, но не меняет тип грунта, — сказал Роман. — Торф не превращается в суглинок от подсыпки. Торф — это органика. Она либо есть, либо её вынули. А если вынули — должен быть акт выемки и утилизации.

Елена Викторовна постучала ручкой по столу.

— Костин, вы хотите сказать, что четыре метра торфа исчезли без документов?

— Я хочу сказать, что четыре метра рельефа исчезли без документов. И грунт поменялся. И водоток исчез. И я не могу это объяснить.

— Тогда найдите того, кто может.

Она посмотрела на часы, и совещание поехало дальше: Прохоров доложил о сваях, Лозовой — о сроках, Молчанова — о вырубке деревьев. Роман не слушал. Он смотрел на свои распечатки и думал о дедовых словах: «Кто-то уже начал его стирать. Не с земли — с бумаги».

V

После совещания Роман вышел покурить. Он не курил уже два года, но сегодня купил пачку в автомате на первом этаже и стоял у входа, затягиваясь и глядя на дождь.

— Костин.

Он обернулся. Кирилл Воронин стоял у колонны, держал зонт и смотрел с выражением, которое Роман видел у журналистов: вежливое внимание с примесью охоты.

— Мы не знакомы, — сказал Кирилл. — Я из «Городского вестника». Пишу про транспортный узел. Стройка, сроки, бюджет, экология. Всё как обычно. Но мне тут скинули кое-что, и я хочу вас спросить.

— Что скинули?

Кирилл достал телефон, повернул экран. Фотография — спутниковый снимок. Тот же участок. Но на снимке — дата 2015 год, и овраг на нём есть. Чёткая линия, растительность, изгиб.

— А теперь, — Кирилл свайпнул. Второй снимок. 2017 год. Тот же участок. Оврага нет.

— Я это видел, — сказал Роман. — Я сверял снимки.

— А вот это видели? — Кирилл открыл третий файл. Скриншот из кадастровой системы. Участок, координаты, описание рельефа. И в графе «Особые отметки» — строка: «Овраг (засыпан)». Дата изменения записи: 14 марта 2016 года. Кто изменил — поле пустое.

Роман смотрел на экран и чувствовал, как холодок ползёт по спине. 14 марта 2016 года. Овраг засыпан — по документам. Но не по земле. По земле, по снимку 2015 года, он был. По снимку 2017 — не было. Кто-то вписал «засыпан» в базу — и он исчез.

— Это может быть просто ошибка базы, — сказал Роман, но голос звучал неуверенно даже для него.

— Может, — кивнул Кирилл. — А может — нет. Я раскопал ещё кое-что. В две тысячи шестнадцатом, в марте, в вашем отделе работала смена. Тогда ещё была бумажная картотека. И был сотрудник — Пантелеев. Знаете такого?

— Нет. Это до меня.

— Пантелеев уволился через неделю после того, как запись появилась. Скандалов не было. Просто ушёл и всё. Я нашёл его адрес. Он живёт в посёлке, сорок километров от города. Я хочу съездить. Хотите со мной?

Роман затянулся сигаретой. Дым ушёл в дождь.

— Зачем мне?

— Потому что вы — картограф. И потому что овраг на вашей дедовской карте — это не просто линия. Это единственное доказательство, что он был. А если кто-то стёр его и с карты...

Он не договорил. Роман и так понял.

— Когда едем?

— Завтра. В девять.

Роман кивнул. Кирилл убрал телефон, поднял зонт и ушёл в дождь. Роман стоял и смотрел ему вслед, и в голове крутилась одна фраза, которую дед сказал утром: «Кто-то уже начал его стирать. Не с земли — с бумаги».

VI

Вечером Роман поехал к деду. Иван Тимофеевич жил в старом двухэтажном доме на окраине, в квартире с низкими потолками и окнами, выходящими в сад. Сад зарос, но в углу

стояла скамейка, и на скамейке — подушка. Дед сидел на ней, несмотря на дождь, в плаще и шапке, и смотрел на яблони.

Роман сел рядом. Дед не удивился. Будто ждал.

— Деда, я нашёл полевой журнал. Ты проверял овраг в две тысячи четвёртом — он был. А в базе кадастра в две тысячи шестнадцатом появилась запись: «засыпан». Без актов, без документов. Просто — запись.

Дед кивнул. Медленно, будто камень в воду опустил.

— Пантелеев, — сказал он.

— Ты знаешь?

— Знаю. Он приходил ко мне. Перед тем как уйти. Сидел вот тут, на скамейке. И сказал: «Иван Тимофеевич, я стёр овраг». Я спросил — как. Он сказал: «С карты. Просто стёр. И он исчез».

Роман почувствовал, как уши заложило. Как в самолёте, когда меняется давление.

— И ты ему поверил?

— Я поехал и посмотрел. Овраг был. Ручей стекал. Низина была мокрая. Пантелеев ошибся, подумал я. Испугался и придумал. Но через год... — дед замолчал. Достал из кармана плаща мятую бумажку. Развернул. Фотография — напечатанная на принтере, цветная, нерезкая. Участок с кустарником и деревьями. И чёткая тёмная линия — овраг. На обороте от руки: «15.09.2015. Овраг на месте. И.К.»

— Через год, — продолжил дед, — я поехал снова. Оврага не было. Ровное поле. Бурьян по пояс. Я встал и понял: он не ошибся. Он сказал правду. Только не всю.

— А какую — всю?

Дед посмотрел на него. Глаза у деда были светлые, почти прозрачные, и в этот вечер они были другие — не стариковские, а какие-то слишком молодые для своих семидесяти девяти лет. Тревожные.

— Он сказал: «Я стёр его с карты. Но карта стёрла его с земли». Вот так. Слово в слово. Он стёр — а карта стёрла. Как будто карта слушает. Как будто то, что на ней нарисовано, — важнее, чем то, что лежит под ней.

Роман сидел и молчал. Дождь тихо стучал по подушке на скамейке. В саду пахло мокрыми яблоками и землёй. И Роман вдруг услышал то, что слышал в телефонной трубке утром: тиканье. Тихое, ровное, механическое. Он обернулся — не к деду, а к дому. Звук шёл из окна. Из комнаты.

— Деда, что у тебя в доме тикает?

Дед не ответил. Он встал, снял подушку со скамейки и положил её на мокрую землю. Потом повернулся к Роману и сказал:

— Не ходи пока. Рома. Не трогай карту. Не стирай ничего и не дорисовывай. Пока — ничего не делай.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, кто рисует с другой стороны.

Роман хотел спросить — с какой другой стороны? — но дед уже шёл к дому. Поднялся по ступенькам, открыл дверь, обернулся и посмотрел на Романа так, будто хотел что-то добавить. Но не добавил. Дверь закрылась.

Тиканье стихло.

Роман стоял один в мокром саду, под яблонями, и думал: «С другой стороны чего?»

Ответа не было. Только дождь, и запах земли, и тишина — такая, какая бывает перед тем, как что-то начнётся.

Глава 2. Ошибка или аномалия?

I

Вторник начался с тумана.

Не с дождя, не с ветра — с плотного, белёсого тумана, который пришёл ночью, лёг на город, как простыня на лицо, и не собирался уходить. В семь утра видимость была метров тридцать: деревья на бульваре превращались в силуэты, машины ползли с зажжёнными фарами и противотуманками, а звук города стал глухим и неуверенным, будто кто-то накрыл его ладонью.

Роман не спал. Всю ночь он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок, а в голове крутились дедовы слова: «Кто-то рисует с другой стороны». Он пытался их разобрать, как задачу, — рационально, по слоям, по координатам. «Другая сторона» — может, речь о второй карте? О копии? О каком-то дублирующем документе? Или — метафора? Деду семьдесят девять, он устал, он живёт один, он разговаривает с садом и подушкой на скамейке. Может, всё проще, чем звучит?

Но тиканье. Тиканье было реальным. Он слышал его — в трубке, потом в саду, потом, когда дед закрыл дверь, оно стихло. Не выключенное — стихшее. Как будто часы сами решили замолчать.

Роман встал в шесть тридцать. Кофе не варил — не хотелось. Взял куртку, блокнот, дедовскую карту в папке. Вышел на улицу. Туман был такой густой, что казался осязаемым — можно было протянуть руку и смахнуть его, как паутину.

На остановке — никого. Только schedules на столбе, покосившийся навес и лужа, в которой отражалось серое небо. Роман стоял и ждал, и думал: если овраг исчез с земли, но остался на дедовской карте, значит, карта — не отражение реальности. Карта — что-то другое. Может, единственное место, где овраг ещё жив. А если стереть его и с карты, тогда — что? Тогда его не будет нигде?

Автобус пришёл из тумана, как корабль — сначала два красных огня, потом силуэт, потом двери. Роман сел. В автобусе — трое: женщина с пакетами, мужчина в форме железнодорожника и подросток, спящий с открытыми глазами. Роман сел у окна, но за окном ничего не было — только белая муть. Он достал телефон и набрал Кирилла.

— Воронин. Мы в девять?

— В девять, — голос Кирилла был бодрый, но с хрипотцой, будто он уже говорил до этого много. — Я заеду за вами. Адрес?

Роман продиктовал. Кирилл спросил:

— Вы нашли что-нибудь после вчерашнего?

— Может быть. Я расскажу по дороге.

II

В девять часов из тумана выкатилась серая «Лада» с наклейкой «Пресса» на лобовом стекле. Кирилл был за рулём, в очках, которые ему не шли, но, видимо, были нужны для вождения. На пассажирском сиденье лежал портфель — потёртый, кожаный, с замком-молнией. Роман сел, положил папку с картой на заднее сиденье.

— Пантелеев живёт в посёлке Дубровка, — сказал Кирилл, выруливая на объездную. — Сорок километров, по туману — минут пятьдесят. Я нашёл его через налоговую — он платит за участок, оформлен на него. Телефона нет. Адрес есть.

— Вы ему звонили?

— Нет телефона. Я же говорю.

— А если его нет дома?

— Тогда посмотрим на дом. Иногда дом говорит больше, чем хозяин.

Роман посмотрел на Кирилла. Тот вёл машину спокойно, уверенно, не торопясь. Руки на руле — на десять и два. Взгляд — на дорогу, но по сторонам тоже. Журналист, привыкший ездить к незнакомым людям и задавать вопросы, на которые они не хотят отвечать.

— Я поговорил с дедом, — сказал Роман.

Кирилл не отреагировал, но чуть наклонил голову — слушает.

— Он сказал, что Пантелеев приходил к нему. Перед увольнением. Сказал: «Я стёр овраг с карты. И он исчез с земли».

Тишина в машине была такая, будто оба одновременно перестали дышать. Потом Кирилл сказал:

— Вот как.

— Дед поехал проверить. Овраг был на месте. Но через год — исчез.

— Через год после чего? После того как Пантелеев стёр его с карты?

— Да.

Кирилл помолчал. Потом спросил:

— А ваша карта — та, что дед чертил — на ней овраг ещё есть?

— Да.

— И вы её не трогали?

— Нет. Дед сказал не трогать.

— Почему?

— Он сказал: «Ты не знаешь, кто рисует с другой стороны».

Кирилл сбросил скорость. Перед ними из тумана выступил знак «Осторожно, дети» и силуэт школы. Кирилл объехал школу и поехал дальше.

— С другой стороны, — повторил он. — Это что — метафора?

— Я не знаю. Дед говорит загадками, когда не хочет говорить прямо. Но тиканье, которое я слышал у него дома — оно было реальным. Не воображаемое.

— Какое тиканье?

Роман рассказал про телефонный звонок и про сад. Кирилл слушал, не перебивая, и когда Роман закончил, сказал:

— Я знаю, как это звучит. Но я раскапывал историю этого участка три недели. И у меня есть ещё кое-что. — Он кивнул на портфель. — В бардачке бумаги. Откройте.

Роман открыл портфель. Внутри — папка с распечатками. Кирилл собрал всё, что мог найти: кадастровые выписки, спутниковые снимки за 2010–2024 годы, газетные вырезки, распечатки форумов. И одна вещь, которую Роман не ожидал: рукописная схема на тетрадном листе в клеточку. На листе — прямоугольник, похожий на участок, и внутри — линия, вычеркнутая карандашом. Под вычеркнутой линией — подпись: «М. Пантелеев. 14.03.16». А ниже — мелким, нервным почерком: «Проверить на местности. Не нашёл. Оврага нет. Как?»

— Это я нашёл в архиве отдела, — сказал Кирилл. — В папке с отходами. Бумаги, которые должны были уйти на shredding, но не ушли. Кто-то бросил их в отдельную стопку, и они пролежали восемь лет. На этом листе — вычеркнутая линия и подпись. Пантелеев стёр овраг с чертежа, и вот его пометка: «Не нашёл. Оврага нет. Как?» Он сам не верил.

Роман смотрел на тетрадный лист. Линия — вычеркнутая, но не стёртая. На бумаге виден след карандаша — тяжёлый, с нажимом. Пантелеев не стёр овраг ластиком. Он зачеркнул его — крест-накрест, двумя движениями. Зачеркнул — и овраг исчез.

— Поехали, — сказал Роман. — Надо поговорить с этим человеком.

III

Дубровка стояла в низине, как блюдце на столе. Туман здесь был ещё гуще — будто посёлок лежал на дне облака. Двадцать домов, магазин с вывеской «Продукты», автобусная остановка без расписания, церковь без креста — сруб, давно не крашенный, с пустым куполом, в котором гнездились галки. Дорога — грунтовая, разбитая, с колеями от трактора.

Кирилл остановился у последнего дома — крайнего, у леса. Забор — сетка-рабица, покосившийся. Во дворе — собачья будка без собаки, колодец с ржавым воротом и старый «Москвич» без колёс, стоящий на кирпичках. Дом — брусовый, одноэтажный, с тремя окнами и печной трубой. На одном окне — занавеска, на двух — фанера.

Роман и Кирилл вышли из машины. Тишина была такая, что слышно, как капает конденсат с крыши. Из дома — ни звука. Ни радио, ни голосов. Только туман и тишина.

Кирилл постучал в дверь. Раз, два, три. Подождали. Тишина. Ещё раз. Из дома — шорох. Потом шаги — медленные, тяжелые, будто человек шёл по мягкому. Дверь открылась.

Михаил Пантелеев был человеком, которого Роман не знал, но узнал бы из тысячи. Не по лицу — по глазам. Глаза у него были как у человека, который что-то видел и не смог это забыть. Не испуганные — уставшие. Глубоко посаженные, тёмные, с красными ободками, как от бессонницы. Сам он был невысокий, сутулый, лет шестидесяти, в вязаной кофте поверх рубашки и домашних тапках. Седая щетина, впалые щёки, руки — длинные, тонкие, с чернильными пятнами на пальцах, как у человека, который много пишет.

— Пантелеев Михаил Сергеевич? — спросил Кирилл.

— Да.

— Я Воронин, журналист. Это Костин Роман, картограф. Мы из города. Хотим поговорить про карту.

Пантелеев посмотрел на Романа. Посмотрел долго — секунды три, не меньше. Потом — на папку в руках Романа. Потом — снова на лицо.

— Заходите, — сказал он. Голос тихий, ровный, без удивления и без раздражения. Будто ждал.

IV

Внутри дом был похож на дедову квартиру: низкие потолки, старые обои, деревянный пол с щелями, печь в углу — холодная, нетопленная. На стенах — ничего: ни фотографий, ни картин. На столе — стопка тетрадей, графитовый карандаш, ластик. Лампа с абажуром из газеты. На подоконнике — стакан с водой и ветка можжевельника. И — Роман заметил сразу — ни часов. Ни настенных, ни настольных. Ни на стене, ни на полке. Будто время в этом доме было под запретом.

Пантелеев сел на стул у стола. Кирилл — на табурет у печи. Роман — на скамью у стены. Все — в разных углах. Треугольник.

— Вы стёрли овраг с карты, — сказал Роман. Не спросил. Сказал.

Пантелеев не вздрогнул. Не отвёл глаз. Кивнул — медленно, один раз.

— Стёр. Зачеркнул, точнее. Карандашом. Две линии — крест-накрест. На рабочей копии кадастровой схемы. Участок четыре, северо-восток. Овраг мешал. Он шёл через участок, который планировали под застройку. Чертежи не сходились. Приходилось дважды давать один и тот же участок — с оврагом и без. Я решил: уберу с рабочей копии, потом проверю на местности, потом — официально внесу изменение. Обычная процедура.

— Обычная, — повторил Роман.

— Да. Мы так делали. Наносили, выносили, правили. Бумага — терпит. Я зачеркнул и пошёл проверять.

— И?

— И не нашёл.

Тишина. В этой тишине Роман слышал — снова. Тиканье. Тихое, едва различимое, будто где-то далеко. Или — внутри. Он не мог понять, откуда.

— Оврага не было, — продолжил Пантелеев. — Я стоял на точке, где он должен был быть — по карте, по съёмке, по дедовым записям. Ровное поле. Бурьян. Сухо. Ни ручья, ни низины, ни перепада. Я проверил нивелиром — ноль. Абсолютный ноль. Будто его никогда не было.

— И вы испугались, — сказал Кирилл.

Пантелеев посмотрел на него. Без злости, без обиды. С тем же усталым выражением.

— Нет. Я не испугался. Я не поверил. Думал — ошибка. Перепутал точку, сместился, не туда встал. Проверил координаты — дважды. Всё правильно. Проверил соседние точки — рельеф совпадал, всё на месте. Только оврага — нет. Я подумал: может, засыпали. Пока я не дошёл до своего стола, в офисе, и не открыл оригинал карты. Ту, что не зачёркнута.

— Оригинал? — Роман подался вперёд.

— У нас хранились две копии. Рабочая — на ней я правлю, черкаю, дорисовываю. И оригинал — та, что в архиве. Оригинал не трогают. На оригинале — овраг был. Тушь, дедовский почерк, всё на месте. А на рабочей — зачёркнут. Я проверил на местности — нет. На оригинале — есть. На рабочей — нет. И тут я подумал: это я. Это я его убрал. Не с земли — с бумаги. Но земля... послушала.

Роман почувствовал, как волосы на затылке встали. Он слышал это выражение — «земля послушала» — но не от Пантелеева. От деда. Дед сказал почти то же самое: «Карта стёрла его с земли». Дед и Пантелеев — описывали одно и то же, разными словами, в разное время, не сговариваясь.

— А потом? — спросил Кирилл.

— А потом я поехал к Ивану Тимофеевичу. Вашему деду, — он кивнул Роману. — Потому что он единственный, кто снимал этот овраг. Я думал — он объяснит. Скажет: «Миша, ты перепутал, там подсыпка, вот тебе акт». Но он не сказал. Он слушал. Потом спросил: «А ты уверен, что зачеркнул правильно? Карандашом, на рабочей копии?» Я сказал — да. Он помолчал и сказал: «Не трогай оригинал. Никогда не трогай оригинал».

— И вы не тронули?

— Нет. Но кто-то тронул. Через год я проверил оригинал — из любопытства, не выдержал. Овраг на оригинале стал бледнее. Тушь — как будто выцвела. За тридцать лет не выцветала — и вдруг стала бледнеть. Я проверил через месяц — ещё бледнее. Через два — почти не видно. К концу года — линия осталась, но тонкая, как волос. Я хотел дорисовать, усилить тушью. Иван Тимофеевич запретил. Сказал: «Если дорисуешь — он вернётся. Но не тот, и не там».

— Что значит «не тот и не там»? — спросил Роман.

Пантелеев встал, подошёл к столу и открыл верхнюю тетрадь из стопки. Раскрыл на середине. На странице — схема. Рукой, карандашом, аккуратно. Прямоугольник — участок. Внутри — линия оврага. Но линия не одна. Их три. Одна — тонкая, почти невидимая, идёт с севера на юг. Вторая — жирная, чёткая, идёт с северо-запада на юго-восток, под углом к первой. Третья — пунктир, идёт по диагонали, разрывается, будто недописанная.

— Это что? — спросил Кирилл.

— Это — три оврага. Один — настоящий. Дедовский. Второй — тот, что появился после моей правки. Я зачеркнул дедовский — и возник другой. Не на том месте. Чуть смещённый, чуть другой формы, но — овраг. Третий — я не знаю. Он начал появляться на схеме сам. Я его не рисовал.

Роман смотрел на три линии и чувствовал, как внутри что-то холодеет. Три оврага. Один — настоящий, исчезающий. Второй — появившийся после правки. Третий — возникающий сам.

— Пантелеев, — сказал Роман. — Вы стёрли с рабочей копии. Но оригинал — не трогали. Почему линия на оригинале стала бледнеть?

— Потому что карта — не бумага, — ответил Пантелеев. И сказал это так спокойно, как будто говорил «вода мокрая». — Карта — это... я не знаю, как назвать. Память места? Закон места? Когда я зачеркнул линию на рабочей копии, я не стёр чернила. Я сказал: «Этого нет». И место послушало. А оригинал — он связан с рабочей. Они — одно. Я думал, нет. Я думал,

рабочая — это просто копия. Но для места — нет. Для места рабочая и оригинал — один документ. И когда я сказал «нет» на одной, место стало стирать и с другой.

— А третий? Пунктир?

— Я не знаю. Я думал об этом три года. И понял одно: карта не пуста. Когда я стёр овраг, на его месте появилось пустое место. И пустое место не терпит. Что-то приходит. Рисует себя. Я не знаю — кто.

Тиканье стало громче. Роман повернул голову — к окну. Туман за окном был плотный, белый, неподвижный. Но где-то в нём — или за ним — был звук. Ровный, механический, размеренный.

— Пантелеев, у вас в доме что-то тикает?

Пантелеев замер. Посмотрел на Романа. И — впервые за весь разговор — в его глазах мелькнуло что-то, чего там не было: страх. Не паника, не ужас — глухой, давний, привычный страх, с которым человек живёт так долго, что перестал его замечать. Увидел — и спрятал. Быстро, как прячут письмо, на котором написано лишнее.

— Нет, — сказал он. — Ничего не тикает.

Врал. Роман видел это так же ясно, как видел карту на стене в своём кабинете. Пантелеев врал — не потому что хотел обмануть, а потому что боялся. Боялся того, что тикает.

Кирилл, видимо, тоже это заметил. Но не стал давить. Журналист знает, когда молчать дороже, чем спрашивать.

— Михаил Сергеевич, — сказал Кирилл. — Последний вопрос. Почему вы уволились?

Пантелеев ответил не сразу. Он закрыл тетрадь, положил её на стопку, придвинул к центру стола. Потом сказал:

— Потому что я зачеркнул ещё одну линию. Не овраг. Дорогу. Старую дорогу, которая шла от участка к реке. Она мешала — пересекала новую трассу. Я зачеркнул. Пошёл проверить. Дороги не было. Но на следующий день мне позвонили из посёлка — Дубровки, вот этого. И сказали, что тропинка, по которой люди ходили к речке, — исчезла. Просто — нет. Земля ровная, трава — как будто всегда тут росла. Никакой тропинки. Дети, которые ходили в школу коротким путём, вдруг стали опаздывать — потому что путь стал длиннее. На полтора километра. За один день.

Он помолчал.

— Я понял, что больше не могу. Потому что я не знаю, что ещё зачеркнул, не заметив. Может, я когда-то чиркнул на полях, не подумав, и что-то исчезло. Может, кто-то другой чиркнул — и я не знаю. Карта не прощает невнимательности. Она — не бумага.

Роман и Кирилл переглянулись. Кирилл встал.

— Спасибо, Михаил Сергеевич. Можно, если мы ещё позвоним?

— Звоните, — сказал Пантелеев. — Только не по телефону. У меня его нет. Приезжайте.

V

В машине Кирилл молчал. Роман тоже. Туман был такой, что «Лада» ползла тридцать километров в час, и дорога из Дубровки — грунтовая, лесная — казалась туннелем в вате. Роман достал блокнот и записал:

«Три линии. 1 — дедовская, настоящая, бледнеет. 2 — после правки Пантелеева, не на том месте. 3 — появляется сама, пунктир. Кто рисует?»

И ниже:

«Тиканье — и у деда, и у Пантелеева. Оба врут, что не слышат. Оба боятся. Чего?»

И ещё ниже:

«Пантелеев стёр дорогу. Дорога исчезла. Люди не заметили, что исчезла — заметили, что путь стал длиннее. Реальность «перетекла». Не порвалась, а перетекла. Будто вода: убери русло — найдёт новое. Но новое — длиннее. Всегда длиннее.»

Роман закрыл блокнот и посмотрел в окно. Туман медленно редел, и сквозь него проступали контуры деревьев — берёзы, сосны, осины с жёлтыми листьями. Дорога пошла вверх, и вдруг туман кончился — резко, как занавес. Небо было серое, низкое, но светлое. Солнце — где-то за облаками, без контура, просто пятно тепла.

— Воронин, — сказал Роман. — Вы верите ему?

— Да, — ответил Кирилл, не задумываясь. — Человек, который врёт, добавляет детали. Он — убирал. Я тридцать лет брал интервью у людей, и знаю: тот, кто врёт, говорит много. Тот, кто говорит правду и при этом не может поверить, что это правда, — говорит мало. Пантелеев говорил мало.

— Но он соврал про тиканье.

— Да. Потому что тиканье — не часть истории, которую он рассказал. Это — то, что он не решился рассказать. Это — за гранью. Он дошёл до грани и остановился.

— А что за гранью?

Кирилл не ответил. Он снял очки, протёр их рукавом и надел снова. Потом сказал:

— Не знаю. Но хочу узнать. А вы?

Роман посмотрел на папку с картой на заднем сиденье. Дедовская карта — в ней, в этой туше на ватмане — овраг ещё жив. Линия ещё видна. Тонкая, но — есть. Если её стереть — овраг исчезнет окончательно. Но Пантелеев сказал: на месте стёртого появляется новое. Не то и не там.

А если дорисовать?

Если взять карандаш и провести линию — новую, там, где оврага нет, но где он должен быть по логике рельефа, по геологии, по дедовским записям? Не стереть — а дорисовать. Восстановить. Сказать карте: «Вот он. Здесь. Четыре метра глубины, ручей на дне, низина заболоченная». Что будет?

Роман не знал. Но хотел знать. И это желание — узнать, почувствовать, проверить — было сильнее страха. Не потому- что он смелый. Потому что он картограф. И карта, на которой линия бледнеет и исчезает, — для картографа как пациент, у которого останавливается сердце. Ты не смотришь — ты действуешь.

VI

К обеду Роман был в своём кабинете. Кирилл поехал в редакцию — «оформить факты, пока не остыли». Роман закрыл дверь, повесил куртку и сел за стол.

На стене — дедовская карта. Он встал, подошёл, посмотрел. Линия оврага — на месте. Тушь — тёмная, чёткая. Но... Роман наклонился ближе. Присмотрелся. Линия была тёмной — да. Но — чуть тоньше, чем вчера? Или ему казалось? Он не мог знать наверняка, потому что вчера не измерял толщину линии. Но ощущение было — как от слова, которое ты видел сто раз, а на сто первый вдруг показалось, что в нём одна буква не та.

Он вернулся за стол. Открыл ноутбук. Нашёл скан карты — тот, что сделал в понедельник. Увеличил до максимума. Линия оврага — чёткая, с характерным дедовским нажимом. Измерил толщину в графическом редакторе: 0,7 миллиметра. Записал. Если линия бледнеет или утончается — он увидит это в цифрах, а не в ощущениях.

Потом открыл спутниковый снимок участка — свежий, за август. Ровное поле. Бурьян. Ни оврага, ни низины. Подложил дедовский скан поверх — с прозрачностью 40%. Овраг на скане лёг на ровное поле, как тень на стол. Две реальности, наложенные друг на друга, не совпадали. Но обе были — на бумаге. Одна — тушью, другая — пикселями. Какая — настоящая?

Роман задумался. И сделал то, чего делать не следовало.

Он распечатал свежий спутниковый снимок — в масштабе, совпадающем с дедовской картой. Положил на стол. Взял графитовый карандаш — мягкий, 2В, рабочий, из набора, который лежал в ящике стола. И — на спутниковом снимке, по ровному полю, провёл линию. По

дедовскому оврагу — с севера на юг, по тем же координатам. Провёл медленно, с нажимом, как дед учил: «Не рисуй, а пиши. Линия — это не рисунок, это слово».

Линия легла на ровное поле, как трещина на гладкой стене. Карандаш скрипел по бумаге, и Роман чувствовал — что-то не так. Не с линией — с воздухом. Будто плотность в комнате изменилась. Будто кто-то тихо, незаметно, выдохнул — и не вдохнул обратно.

Он закончил линию. Положил карандаш. Посмотрел на снимок. Обычный снимок с карандашной линией. Ничего особенного. Он усмехнулся — и тут же почувствовал, как уши заложило. Как в самолёте. Как тогда, у деда, когда он сказал про Пантелеева.

Он встал, подошёл к окну, открыл его. Воздух был холодный, влажный, с запахом мокрых листьев. Уши отпустило. Он постоял, подышал, закрыл окно.

И вернулся к столу.

На спутниковом снимке, в том месте, где он провёл карандашную линию, бумага была... Роман наклонился. Темнее? Нет — мокрее. Будто по линии карандаша проступила влага. Тонкая, едва заметная полоска сырости, как след от капли, упавшей по линейке. Он тронул пальцем — холодно. Не мокро — холодно. Будто бумага остыла именно в этом месте, на один градус, на два.

Он отёрнул руку. Посмотрел на палец — сухой. Понюхал — пахло землёй. Сырой, глубокой, глинистой землёй.

Роман сел на стул. Руки чуть дрожали. Он взял блокнот и записал:

«17:40. Провёл линию на распечатке спутникового снимка. По дедовским координатам. Эффект: заложило уши, изменилась плотность воздуха. На бумаге — полоса холоднее. Запах сырой земли.»

И ниже:

«Это совпадение. Это — совпадение.»

Два раза. Он написал «совпадение» два раза. Будто повтор мог его убедить.

VII

Вечером, без четверти шесть, Роман собирался домой. Куртка — на стуле, сумка — на столе, карта — в папке, заперта в шкафу. Он выключил monitors, выключил свет и уже взялся за ручку двери, когда зазвонил телефон. Номер — незнакомый, городской.

— Костин?

— Да.

— Это Лозовой. Из стройуправления. Вы помните — мы на совещании виделись.

— Помню.

— У нас проблема. На участке четыре, северо-восток. Только что позвонил прораб. Говорит: экскаватор копал траншею под кабель — и провалился. На полтора метра. Грунт ушёл, и под ним — пустота. Вода. Мутная, тёмная, пахнет... он говорит — «торфом». Глубина — не знают. Курсор экскаватора ушёл вниз, и не достал дна.

Роман стоял в тёмном коридоре, прижав телефон к уху, и чувствовал, как пол уходит из-под ног — медленно, как экскаватор в том провале.

— Где именно? — спросил он. Голос был ровный. Руки — нет.

— Северо-восток. Траншея шла с севера на юг. Прямо по... — Лозовой запнулся. — Прямо по той линии, где у вас на старой карте овраг.

Роман закрыл глаза.

— Пришлите координаты, — сказал он. — Я приеду утром.

Он положил трубку. Постоял в темноте. Потом открыл шкаф, достал папку с дедовской картой и раскрыл на столе. Включил свет.

Линия оврага — тёмная, чёткая, как вчера. Он измерил толщину — 0,7 миллиметра. Та же.

Но на спутниковом снимке, который он положил рядом — тот, с карандашной линией — полоса влаги расширилась. Вчера — волос. Сегодня — три миллиметра. И бумага вдоль линии была не просто холодной. Она была мокрой.

Роман сел за стол. Положил руку на мокрую линию и почувствовал — пульс. Не свой. Бумаги. Тонкий, медленный, как сердцебиение чего-то, что просыпается.

Он убрал руку. Посмотрел на часы. 18:12.

И в этот момент услышал — тиканье. Здесь. В своём кабинете. Ровное, тихое, механическое. Будто кто-то завёл часы, которых нет.

Роман встал. Обошёл кабинет. Столы — пустые. Плоттер — выключен. Стеллажи — молчат. Фикус на подоконнике — не тикает, конечно. Он открыл ящик стола — ничего. Открыл шкаф — папки, рулоны ватмана, пыль.

Тиканье шло от карты.

От дедовской карты, приколотой к пробковой доске. От той линии оврага, которую дед провёл тушью в 1987 году, уверенной рукой, одним движением, не снимая пера.

Роман подошёл. Прислушался. Тиканье — да. Тихое, размеренное, как метроном. Шло от линии. От самой тушевой линии, вычерченной на ватмане, — шёл звук. Будто линия дышала. Будто овраг, которого не было на земле двадцать два года, — жил на бумаге. Ждал.

Роман протянул руку — и остановился. Дед сказал: «Не трогай. Не дорисовывай. Не стирай». А он — дорисовывал. На спутниковом снимке. Провёл линию. И сегодня вечером экскаватор провалился в пустоту, из которой пахнет торфом.

Не совпадение. Не совпадение. Он знал — не совпадение. Он это сделал. Он, Роман Костин, картограф, взял карандаш и провёл линию — и земля провалилась.

Он стоял в тёмном кабинете, приколотой к стене картой, которая тикала, и думал: я — картограф. Я всю жизнь рисовал линии. И каждая линия — это обещание земле. Дед был прав. Линия — не рисунок. Линия — слово. И земля — слышит.

Тиканье не прекращалось. Роман взял куртку, папку с картой — и вышел. Свет он не выключил. Пусть горит. Пусть кто-то, кто остался в кабинете, видит, что здесь — светло.

VIII

В машине он сидел пять минут, не заводя двигатель. Руки — на руле, лоб — на руках. Он думал.

Он провёл линию — и через три часа экскаватор провалился. Пантелеев зачеркнул линию — и через год овраг исчез. Между правкой и реальностью — время. Зазор. Будто карте нужно время, чтобы «прочитать» правку и «выполнить» её. Пантелеев стёр — и через год. Он нарисовал — и через три часа.

Почему так быстро? Потому что Пантелеев работал с рабочей копией, а он — с оригиналом? Нет — он рисовал на распечатке спутникового снимка, не на оригинале. Оригинал — у деда, тушь на ватмане. Он трогал копию. Копию!

Но карта — не бумага. Пантелеев прав. И дед прав. Карта — не бумага, и копия — не копия. Для места — все карты одного участка — один документ. Нарисуй на одном экземпляре — и все остальные «услышат». Потому что они — не про бумагу. Они — про землю.

Роман завёл двигатель и поехал. По дороге позвонил Кириллу:

— Воронин. Экскаватор провалился на участке. Там, где овраг. Тот самый.

Пауза. Кирилл сказал:

— Когда?

— Час назад. Я... я провёл линию на снимке. Сегодня днём. Карандашом. По дедовским координатам.

Длинная пауза. Потом — голос Кирилла, осторожный, как шаги по тонкому льду:

— Вы дорисовали овраг?

— Да.

— И он появился?

— Провал. Вода. Торф. Глубина — не знаю. Экскаватор не достал дна.

Тишина. Потом Кирилл сказал:

— Не рисуйте больше. Пожалуйста. Ничего не рисуйте. Пока мы не поймём.

Роман хотел ответить — но в этот момент из динамика телефона, поверх голоса Кирилла, поверх шума дороги, поверх всего — проступило тиканье. То самое. Ровное, тихое, размеренное. Будто кто-то поднёс часы к микрофону. Будто кто-то хотел, чтобы Роман услышал.

— Вы слышите? — спросил Роман.

— Что?

— Тиканье.

— Нет. Я ничего не слышу. Рома, вы в порядке?

Роман положил трубку. Загнал машину на парковку. Выключил двигатель. Тиканье — было. В машине. От папки с картой на заднем сиденье. От дедовского ватмана, лежащего в картонной обложке. От линии, нарисованной тушью тридцать семь лет назад.

Овраг просыпался.

Глава 3. Цена изменений

I

Суббота. Шесть утра. Роман не спал — он лежал в темноте и считал.

Не овцы. Не секунды. Он считал расстояние между своим карандашным штрихом на спутниковом снимке и провалом экскаватора. Между «я провёл линию» и «земля ушла вниз». Между причиной и следствием. Промежуток — три часа семнадцать минут. Он засёк время точно: линию провёл в 17:40, звонок Лозового — в 18:57. Три часа с минутами. Пантелееву понадобился год. Ему — три часа.

Разница в сорок восемь раз. Почему? Потому что Пантелеев работал с рабочей копией, а он — с оригиналом? Нет. Он рисовал на распечатке спутникового снимка. На копии, копии. На бумаге, которая прошла через принтер, через пиксели, через цифровой шум. Это — не оригинал. Оригинал — дедовский ватман, тушь, рука. Но карта — не бумага. Пантелеев прав. И дед прав. И копия — не копия, если речь идёт о месте. Для места все карты одного участка — один документ. Один голос. Одна воля.

Три часа. Линия — и провал. Карандаш — и пустота в земле, из которой пахнет торфом.

Роман сел на кровати. За окном было темно — октябрьское утро в Волгоградской области приходит поздно, солнце встаёт после семи, и предрассветный мир — серый, тихий, будто приподнятый над землёй на полсантиметра и подвешенный в тумане.

Он оделся. Взял папку с дедовской картой. Взял спутниковый снимок — тот, с карандашной линией, с мокрой полосой, которая расширилась за ночь до пяти миллиметров. Положил всё в сумку. Вышел.

Машина стояла под окном, покрытая росой. Он завёл двигатель, включил фары и поехал на стройплощадку. Ехать — двадцать минут. Он был там в шесть сорок.

II

Стройплощадка транспортного узла занимала тридцать гектаров: бывшее поле, частный сектор, снесённый два года назад, и кусок старой дороги, перерезанной траншеями и насыпями. В предрассветных сумерках она выглядела как поле после битвы: экскаваторы замерли, как раненые звери, башенные краны стояли без движения, бетононасосы обмякли, и только свет будки прораба — жёлтое окно в серой мгле — говорил, что здесь есть жизнь.

Роман остановился у въезда, показал охраннику пропуск. Тот — мужчина в ватнике и каске, с лицом, которое видело слишком много ранних утр — кивнул и махнул рукой: «Езжай, третий блок, северо-восток».

Роман проехал по временной дороге — щебень, колдобины, лужи — и остановился у края траншеи. Вышел. Утро было тихое, туман стоял над полем, как молоко в блюде. Пахло глиной, бетоном, дизелем и — чем-то ещё. Чем-то, чего здесь не должно было быть. Торфом. Сырой, тёмной, разлагающейся органикой. Запахом, который не может подниматься из суглинка.

Траншея шла с севера на юг — ровная, прямая, глубиной в полтора метра, шириною в ковш экскаватора. Роман шёл вдоль неё, и грунт под ногами был твёрдый — суглинок, сухой, утрамбованный, обычный. Но в одном месте — в северо-восточной части, там, где траншея пересекала дедовский овраг — земля провалилась.

Провал был не такой, как он себе представлял. Не кратер, не воронка, не дыра. Просто — траншея уходила вниз. Ровная стена суглинка обрывалась, и под ней — темнота. Вода. Чёрная, неподвижная, с радужной плёнкой на поверхности. Запах — густой, тяжёлый, как в болоте. Роман присел на край и посмотрел вниз. Ковш экскаватора — огромный, стальной, с зубьями — висел на стреле, накренившись, как рука, которая не нашла опоры. Зубья были чёрные. Не от грязи — от торфа. Густого, волокнистого, прилипшего к металлу, как тесто к скалке.

Глубина? Роман не видел дна. Вода была тёмная, непрозрачная. Он бросил вниз камень — небольшой, с кулак. Камень ушёл в воду без всплеска. Просто — исчез. Будто вода была гуще, чем должна быть. Или — будто глубина была больше, чем казалось.

Он достал телефон и сфотографировал провал. Потом — дедовскую карту, раскрыл на капоте машины и наложил поверх неё спутниковый снимок — тот, с карандашной линией. Линия совпадала с провалом. Точно. Координата в координату. Он провёл карандашом по ровному полю — и экскаватор провалился именно там. Не рядом, не в той стороне, не «примерно». Точно.

— Ну, здравствуй, — сказал он вслух. Не знал — кому. Оврагу? Карте? Себе?

Тиканье — было. Тихое, ровное, из папки на заднем сиденье. Но здесь, на открытом воздухе, на ветру, с шумом стройки вдалеке — оно звучало иначе. Не как механическое. Как... естественное. Как пульс. Как ритм. Будто овраг — живой. Будто он дышит.

Роман достал рулетку и измерил ширину провала — два метра семьдесят. Длину — пять метров сорок. Глубину — не удалось. Он привязал к концу рулетки гайку и опустил вниз. Леска уходила в тёмную воду — метр, два, три, четыре, пять... На пяти метрах леска остановилась. Не достигла дна — просто остановилась, будто зацепилась. Роман потянул — леска не поддавалась. Он потянул сильнее — и леска лопнула. Тихо, без звука, будто перерезанная.

Он посмотрел на обрезанный конец. Ровный. Не рваный — ровный. Будто кто-то провёл ножом.

Роман отступил от провала. Руки дрожали, но не от холода. Он записал в блокнот:

«06.10.2026, 06:50. Провал на участке. Ширина 2,70 м. Длина 5,40 м. Глубина — более 5 м (леска оборвана на 5 м, срез ровный). Вода — чёрная, непрозрачная, без всплеска при погружении камня. Запах — торф, болото. Ковш экскаватора — в торфе. Совпадение с карандашной линией — точное.»

И ниже:

«Леска не порвалась. Её срезали. На глубине пяти метров. Под водой.»

Он закрыл блокнот. Вставил ручку в петлю. И в этот момент увидел — на противоположной стороне провала, на стене суглинка, выше уровня воды — отпечаток. Не след. Не царапина. Отпечаток, будто кто-то прижал руку — или лапу — к влажной глине и оставил след. Пять пальцев. Длинных, тонких, с острыми кончиками. Не человеческих. Слишком длинные. Слишком — не те пропорции. И — Roman присмотрелся — отпечаток был не один. Их было три. Один — выше, два — ниже, ближе к воде. Будто кто-то карабкался. Снизу вверх. Из глубины — наверх.

Роман сфотографировал отпечатки. Руки — не дрожали. Они онемели. Онемели, как при обморожении, хотя было плюс восемь. Он сунул руки в карманы куртки и почувствовал — в правом кармане — что-то твёрдое. Маленькое, холодное, гладкое. Он достал.

Камень. Тёмный, плоский, размером с монету. Мокрый. Пах торфом. Этого камня в кармане не было. Он не клал его. Куртка была новая, карманы — пустые, он проверял вчера.

Роман посмотрел на камень и понял: это не совпадение. Ничего из того, что происходит — не совпадение. Карта работает. Он запустил механизм, который не понимает, и механизм — ответил. Пришёл. Положил камень в карман. Оставил отпечатки на стене провала. Порвал леску.

Кто-то — был под землёй. И теперь знал, что Роман — наверху.

III

В семь тридцать приехал Прохоров — инженер-геотехник, тот самый, с совещания. За ним — два рабочих в касках и с фонарями. Прохоров подошёл к провалу, посмотрел, потрогал воду пальцем, понюхал, вытер руку о штаны.

— Торф, — сказал он. — Не может быть. Я тут бурение делал. Шесть скважин. Суглинок. Я отвечаю.

— Отвечаете — перед кем? — спросил Роман.

— Перед заказчиком. Перед государством. Перед собственной лицензией. Тут суглинок. Я пробовал. Я — знаю.

— А сейчас?

Прохоров посмотрел на провал. На чёрную воду. На торф на ковше экскаватора. На отпечатки — нет, он их не заметил, Роман не показывал. Прохоров молчал, и молчание его было таким тяжёлым, будто он держал на плечах плиту.

— Сейчас — не знаю, — сказал он наконец. — Может, линза. Местная линза торфа в суглинке. Бывает. Скважины могли пройти мимо.

— Пять метров линзы? Пять метров торфа в суглинке — и все шесть скважин прошли мимо?

— Может. Если линза узкая и вытянутая. — Прохоров говорил уверенно, но голос был другой — с подстройкой, как человек, который повторяет выученное, но сам не верит. — Я возьму образцы. Отправлю в лабораторию. Через неделю — результат.

— Через неделю стройка стоит?

— Стройка стоит, пока я не скажу, что можно копать. Если грунт нестабильный — я не подпишу. Это моя ответственность.

Роман кивнул. Прохоров дал рабочим команду — оградить провал, поставить ограждение, фонари. Рабочие работали молча, не глядя в провал. Один — молодой, лет двадцати — перекрестился, когда проходил мимо. Быстро, незаметно, будто отгоняя муху. Но — перекрестился.

Роман стоял у машины и смотрел, как ставят ограждение. Оранжевая лента, флаги, конусы. Всё — правильное, по регламенту. Безопасность. Но от провала — от чёрной воды, от торфа, от отпечатков — ограждение не защищало. Ограждение — для людей. А то, что внизу — не для ограждений.

Он позвонил Кириллу.

— Воронин. Я на стройплощадке. Провал — есть. Торф, вода, глубина больше пяти метров. Леску оборвало на пяти метрах — срез ровный, как ножом. И — на стене провала отпечатки. Не человеческие. Длинные пальцы. Кто-то лез снизу.

Пауза. Кирилл молчал — долго, так долго, что Роман проверил связь. Связь была.

— Пришлите фото, — сказал Кирилл. — Отпечатков — обязательно. И не спускайтесь туда. Пожалуйста.

— Я и не собирался.

— Я серьёзно. Если карта работает — если это не совпадение, если вы нарисовали линию, и она появилась — значит, вы открыли канал. Канал работает в обе стороны. Вы нарисовали — земля ответила. Но если кто-то — или что-то — с другой стороны тоже рисует...

— Что?

— Тогда — что-то может появиться не только на бумаге.

Роман не ответил. Он посмотрел на провал — на чёрную воду, неподвижную, как зеркало, в котором не отражалось небо. Облака были, туман был, свет был — но в воде не отражалось ничего. Только — тьма.

IV

В десять часов Роман был в кабинете. Кирилл приехал к одиннадцати — мокрый, взъерошенный, с папкой и ноутбуком. Сел на стул, открыл ноутбук, повернул экран к Роману.

— Я провёл ночь в архиве, — сказал он. — Не в вашем. В городском. В отделе краеведения. И нашёл кое-что.

На экране — скан газетной вырезки. «Заводская правда», 1973 год, февраль. Заголовок: «Геологическая партия 7 завершила съёмку микрорайона». Текст — мелкий, чёрный, на жёлтой бумаге:

«...партия под руководством инженера-геодезиста И.Т. Костина провела топографическую съёмку участка площадью 120 га в северо-восточной части города. При съёмке обнаружена аномалия рельефа — овраг глубиной до 4,5 м с подземным водотоком, не отмеченный на предыдущих картах. Образцы грунта переданы в лабораторию. По результатам аномалии составлена отдельная схема...»

Роман прочитал дважды. «Отдельная схема». Не та, что у деда. Другая. Схема аномалии — отдельная. Где она?

— Я нашёл и это, — сказал Кирилл. Щёлкнул. Второй скан — рукописный документ, бланк геологической партии, заполнен от руки. «Акт 7-А. Описание аномалии. Участок: северо-восток, квадрант 4. Объект: овраг с подземным водотоком. Особенности: в донной части оврага обнаружена полость — вертикальная, глубина не установлена (замер на 8 м прекращён из-за обрыва мерной ленты). Полость заполнена водой с повышенным содержанием органики. Температура воды — +6°C (при температуре воздуха +18°C). Образцы воды и грунта переданы в лабораторию. Рекомендация: участок к застройке не рекомендовать. Полость не изучена.»

— Полость, — сказал Роман. — Восемь метров. В 1973 году.

— Восемь — это где остановились. Не где дно.

— А дед знал?

— Дед — руководил партией. Он — знал.

Роман встал, подошёл к карте на стене. Дедовская карта — овраг, тушь, линии. Но теперь он смотрел иначе. Не на овраг. На то, что вокруг. На линии, которые он раньше не замечал — потому что не искал. Тонкие штрихи, карандашные, почти невидимые. Не тушь — карандаш. Не дедовский почерк — другой. Мелкий, аккуратный, с наклоном влево. Кто-то рисовал на этой карте поверх дедовских линий. Когда? И — что?

Он присмотрелся. Карандашные штрихи шли не вдоль оврага, а от него — вниз, к югу, тонкой пунктирной линией, которая разрывалась, начиналась снова, поворачивала, шла дальше. Пунктир. Тот самый — третий, из схемы Пантелеева.

Роман почувствовал, как сердце стучит — не быстро, а тяжело, будто каждый удар был с весом. Пунктир шёл от оврага к югу, пересекал то, что сейчас было центром города, и уходил за край карты. За край ватмана. Как будто рисовавший не помещался. Как будто дорога была длиннее, чем бумага.

— Воронин, — сказал Роман. — Посмотрите сюда.

Кирилл подошёл. Посмотрел. Присмотрелся. И сказал то, что Роман думал, но не решился сказать:

— Это не овраг. И не ручей. Это — проход. Туннель. Что-то, что идёт от оврага — под городом. На юг. К центру.

— И заканчивается — за краем карты.

— Куда идёт?

Роман посмотрел на Кирилла. И ответил:

— Воронин, а что в центре города?

Кирилл задумался. Потом — медленно, как человек, который собирает пазл и видит, что последний кусок — не той формы:

— Дом культуры. Бывший завод. Площадь. И — старая водонапорная башня. Стоит с пятидесятых. Не работает. Закрыта. Ограда. Забетонированный вход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.